

Клуб — имя существительное мужского рода, от английского *club*; кружок, где собираются, чтобы поговорить, почитать, поиграть; общество друзей.

По мне, лучше быть оптимистом и ошибаться, чем оставаться вечно правым пессимистом.

Неизвестный автор

Апрель 1980-го

Сегодня хоронят писателя. Заключительный акт. Толпа — нежданная, молчаливая, почтительная и анархическая — заполонила улицы и бульвары вокруг кладбища Монпарнас. Сколько их? Тридцать тысяч? Пятьдесят? Меньше? Больше? Какая разница? Важно, чтобы на его похоронах была публика. Скажи ему кто-нибудь, что тут будет такая сутолока, он бы не поверил и посмеялся. Он полагал, его закопают на скорую руку, в присутствии двенадцати верных последователей, а не с почестями, как Гюго или Толстого. За последние полвека ни одного интеллектуала не провожали при таком стечении народа. Как будто он был необходим и крайне важен. Зачем здесь эти люди? Они много чего о нем знают и, по логике вещей, не должны были приходить. Абсурдно отдавать последнюю дань уважения человеку, который ошибался во всем, ну или почти во всем, с завидным постоянством уклонялся от правильного пути и с упорством, достойным лучшего применения, расходовал свой талант, защищая то, что не заслуживало защиты. Лучше бы сходили на похороны тех, кто был прав и кого он презирал и уничтожал. Увы, их смерти никто не заметил.

А может, в этом невысоком человеке, помимо неудач и ошибок, было нечто иное, достойное восхищения: страстное желание преодолеть судьбу силой разума, двигаться вперед против всякой логики, не отступать, невзирая на запрограммированное поражение, брать на себя ответственность за про-

тиворечивость правого дела и заведомо проигранного сражения и вечной, нескончаемой и безнадежной борьбы. Нет никакой возможности попасть на кладбище, люди топчут могилы, карабкаются на памятники, опрокидывают стелы, чтобы подобраться поближе и увидеть гроб. Напоминает похороны эстрадной певицы или святого. Закопать собираются не только человека — вместе с ним хоронят старые идеалы. Ничего не изменится, и нам это известно. Лучшего общества не будет. Можно соглашаться или спорить, но в эту могилу ложатся и наши верования, и утраченные иллюзии. Толпа символизировала отпущение грехов, искупление ошибок, совершенных во имя идеала. Для жертв это ничего не меняет. Не будет ни оправдания, ни публичных извинений, ни похорон по первому разряду. Что может быть ужасней, чем причинять зло, желая творить добро? Сегодня хоронят минувшую эпоху. Не легко жить в мире без надежды.

В такой момент не сводят счетов. Не подводят итогов. Все равны, и все не правы. Я пришел не ради мыслителя. Я никогда не понимал его философии, его театр «несъедобен», а романы забыты, я здесь ради прошлого. Толпа напомнила мне, кем он был. Нельзя оплакивать героя, который поддерживал палачей. Я поворачиваюсь, чтобы уйти. Похороню его в каком-нибудь тайном уголке мозга.

Существуют пользующиеся дурной славой кварталы, отсылающие вас в ваше прошлое, куда, вообще-то, лучше не соваться. Думаешь, что все забыл, — раз не думаешь о нем, значит забыл, а оно раз — и тут как тут. Я старался обходить стороной Монпарнас — там жили призраки, с которыми я не знал, что делать. Один из них шел сейчас мне навстречу по тротуару бульвара Распай. Я узнал его неподражаемое ратинное пальто в стиле Хэмфри Богарта времен пятидесятых. Есть люди, которых оцениваешь по походке. Павел Цибулька — православный христианин, партизан Второй мировой, король великого идеологического уклона и скучных анекдот-

тов, надменный, гордый и статный, двигался плавно и неспешно. Я обогнал его. Павел располнел, пальто перестало застегиваться, взлохмаченная седая шевелюра придавала ему богеменный вид.

— Павел...

Он остановился, посмотрел на меня, пытаюсь сообразить, где мог видеть это лицо и почему оно о чем-то смутно ему напоминает, но в конце концов покачал головой — нет, простите, но...

— Это я... Мишель. Ну же, вспоминай.

Он разглядывал меня — недоверчиво, даже с подозрением:

— Мишель?.. Малыш Мишель?

— Бывший «малыш», Павел, бывший — я давно обогнал тебя в размерах.

— Малыш Мишель!.. Сколько лет мы не виделись?

— Пятнадцать. В последний раз встречались здесь же... по поводу Саши.

Мы помолчали, взгрустнули, обнялись. Он крепко прижал меня к себе:

— Я бы тебя не узнал.

— А вот ты не изменился.

— Не смей издеваться. Я вешу сто кило. Проклятые диеты...

— Счастлив тебя видеть. Где остальные? Или ты пришел один?

— Я еще не пенсионер, так что иду на работу.

Павел по-прежнему говорил с тягучим славянским акцентом, но его речь сделалась более энергичной. Мы пошли в «Селект», где, как мне показалось, все прекрасно знали Павла, сели, и официант тут же принес ему крепкий кофе и кувшинчик холодного молока, а потом принял заказ у меня. Павел цапнул с соседнего столика корзинку с круассанами и умял сразу три штуки, продолжая говорить с набитым ртом, причем вполне разборчиво. Павел сбежал из Чехословакии лет тридцать назад и с тех пор жил во Франции в бо-

лее чем стесненных обстоятельствах. Он в самый последний момент, чудом, избежал чистки, погубившей бывшего генсека КПЧ Сланского¹ и его ближайшего соратника, министра иностранных дел Клементиса². Бывший посол Чехословакии в Болгарии, автор справочного издания «Брестский мир: дипломатия и революция» работал ночным портье в гостинице в Сен-Жермен-де-Пре и жил там же, в комнатенке на верхнем этаже. Он надеялся рано или поздно встретиться со старшим братом, который в конце войны уехал в Америку, но ему постоянно отказывали в визе — мешала биография.

— Визу они мне не дадут. И брата я больше не увижу.

— Я знаком с одним атташе из посольства. Могу с ним поговорить.

— Не бери в голову. У них на меня «досье» толщиной с мою задницу. Я прохожу как один из основателей Коммунистической партии Чехословакии.

— А это так?

Он пожал плечами с видом смирившегося со своей участью человека.

— В тридцатые годы в Праге, в мои студенческие времена, все было просто и ясно. Следовало решить, на чьей ты стороне — угнетателей или угнетенных. Мне не пришлось выбирать лагерь — я в нем родился. Я был молод, убежден в нашей правоте и в том, что иного решения для страны не существует. Да, я был партийным функционером с дипломом юриста. Я верил, что поголовная грамотность и электрификация поспособствуют рождению нового человека. Никто и подумать не мог, что коммунизм пожрет нас, как Сатурн своих детей. Отношение к капитализму было однозначным. Во время вой-

¹ *Рудольф Сланский* (1901–1952) — генеральный секретарь компартии Чехословакии (1945–1951); был обвинен в антипартийном заговоре и казнен. Все обвинения и сам процесс были сфабрикованы по образцу процессов конца 30-х годов в Советском Союзе. — *Здесь и далее прим. перев.*

² *Владо Клементис* (1902–1952) — министр иностранных дел в правительстве Р. Сланского, проходил с ним по одному делу, обвинен в антипартийном заговоре и казнен.

ны одни поддерживали коммунистов, другие — фашистов. Хуже всего приходилось неопределившимся. Мы были полны энтузиазма. Я ни в чем не сомневался. Но после освобождения все пошло не так. Моих друзей вешали, семью терзали до тех пор, пока она от меня не отклеилась, а нынешние защитнички «общечеловеческих ценностей» плевать на это хотели. Они, видите ли, не нуждаются в компании старого коммуняка — я решил, что достану их, и каждый год запрашиваю визу. Они отказывают. Я через год повторяю попытку.

— Значит, ты больше не коммунист?

— Был, есть и буду!

— Но доктрина оказалась несостоятельной. Коммунистические режимы рушатся один за другим.

— Коммунизм — прекрасная идея, Мишель. Слово «товарищ» наполнено глубинным смыслом. А вот люди никуда не годятся. У Дубчека¹ и Свободы² вполне могло получиться, если бы им не перекрыли кислород. Кстати, мое дело сдвинулось с мертвой точки.

— Каким образом?

— Я написал Сайрусу Вэнсу, госсекретарю в администрации Джимми Картера. Он ответил. Можешь себе представить?

Павел осторожно достал из бумажника письмо в «том самом» конверте и дал мне прочесть. В ответе Сайруса Вэнса от 11 января 1979 года сообщалось, что запрос передан в компетентную инстанцию.

— Что думаешь?

— Это стандартная формулировка. Не стоит особенно надеяться.

¹ Александр Дубчек (1921–1992) — чехословацкий государственный и общественный деятель, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии. В 1968–1969 годах стал инициатором курса реформ, известных как Пражская весна.

² Людвик Свобода (1895–1979) — чехословацкий военный и государственный деятель, президент ЧССР в 1968–1975 годах, трижды Герой ЧССР, Герой Советского Союза (1965).

— Они отреагировали впервые за двадцать пять лет. Это знак. Сайрус Вэнс — демократ, не республиканец.

— А раньше тебе что, не отвечали?

— Я был идиотом, адресовал просьбы лично президенту США. Глава государства слишком занятой человек, чтобы самолично отвечать всем страждущим. Написать госсекретарю мне посоветовал Имре.

— Возможно, ты постучался в правильную дверь. Что будешь делать, если снова откажут?

— Я больше не чехословацкий подданный. И не французский. Я — апатрид. Худший вариант из возможных. Превращаешься в призрак. У меня осталась крошечная надежда встретиться с братом. Он американский гражданин. Мы перезваниваемся раз в год, на Рождество. Брат — бригадир на стройке. У него семья, все хорошо, но в Европу он прилететь не может — слишком дорого. В будущем году я подам на визу. И еще через год снова подам.

Народу в кафе прибавилось — люди заходили расслабиться после похорон. Какая-то тетка нацелилась на нашу банкетку:

— Здесь свободно?

— Занято!

Женщина удивилась агрессивности тона, и она с приятелями отошла.

— Немыслимо! Банда придурков приперлась на кладбище, чтобы почтить память «выдающегося» придурка. Да у них солома вместо мозгов.

— Ничего не поделаешь, традиция.

— Лично я пойду и наассу на его могилу. Ничего другого он не заслуживает. Гордиться ему нечем.

— Он не мог поступиться убеждениями.

— Он все знал. Со времен Жида¹ и Руссе². Я рассказал ему о Сланском и Клементисе. Он промолчал. Ему было из-

¹ *Андре Жид* (1869–1951) — французский писатель и драматург, лауреат Нобелевской премии (1974).

² *Давид Руссе* (1912–1997) — французский писатель. Во время Второй мировой войны был депортирован в Германию (1943–1945).

вестно о Кравченко¹. И он осудил Кравченко. Ты можешь понять и оправдать подобное? Бегать в своре, улюлюкать в общем хоре. Презирать жертв. Отрицать правду. Не есть ли это чистой воды поспешничество? Он был негодяем.

Павел умолк и тяжело задумался.

— Хотя... не мне тебя учить.

— Я не понимаю.

— Худшая вещь на свете — неблагодарность. Мы выжидали, потому что они нас подкармливали, подбрасывали деньги.

— Кто?

Павел поднял на меня глаза, решив, что я придуриваюсь, понял, что это не так, и снизошел до объяснений:

— Оба. Кессель² и Сартр³. Доставали нам переводы, всякую мелкую работенку. У них был широкий круг знакомств среди главных редакторов газет и журналов. Мы работали добросовестно, выполняли нормы. Когда оказывались на мели, они платили домовладельцам и улаживали дело с судебными исполнителями. Куда было деваться? Мы все потеряли, а без них кончили бы жизнь клошарами. Когда Сартр ослеп и перестал выходить из дому, стало намного сложнее. Но два года назад они выручили Владимира. Помнишь его?

¹ *Виктор Андреевич Кравченко* (1905 — 1966) — советский государственный и партийный деятель, невозвращенец. Во время Второй мировой войны был членом советской закупочной комиссии в Вашингтоне. Попросил политического убежища в США. Написал книгу «Я выбрал свободу», которая описывала коллективизацию и голод в СССР и стала серьезным ударом по Сталину. Левые друзья советского режима повели яростную атаку на автора. Жан-Поль Сартр написал пьесу, где говорилось, что Кравченко — агент ЦРУ. В 1966 году Кравченко погиб при подозрительных обстоятельствах.

² *Жозеф Кессель* (1898–1979) — французский писатель. Сын врача, выехавшего из России в Аргентину в еврейское сельскохозяйственное поселение. С 1908 года семья жила во Франции.

³ *Жан-Поль Шарль Эмар Сартр* (1905–1980) — французский философ, представитель атеистического экзистенциализма (в 1952–1954 годах Сартр занимал близкие к марксизму позиции), писатель, драматург и эссеист, педагог. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1964 года (отказался от премии).

— Как сейчас.

— У него были крупные неприятности.

Ему не терпелось все мне выложить. Я вспомнил, как Владимир Горенко раздавал еду в задней комнате «Бальто».

— Так что случилось с Владимиром?

— До ухода на Запад он руководил нефтеперерабатывающим комплексом в Одессе. Во Франции он получил статус политического беженца. Работы не нашел — ни одно предприятие не захотело нанять его, даже те, с кем он вел дела. Никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь ему. Знаешь почему? Они опасались Москвы, не желали портить отношения. На словах эти люди обличали коммуняк, но дела с ними делали. Маркюзо, хозяин бистро, — ты его помнишь, он был хороший мужик — нашел Владимиру жилье, комнатку для прислуги, у колбасника на улице Дагер. Владимир вел его бухгалтерию.

— Хозяин платил ему колбасой и полуфабрикатами. Платил — громко сказано: Владимир вечно ворчал, что тот отдает ему остатки, которые так и так пошли бы на выброс.

— Все верно, но мы поживились той колбаской — Владимир со всеми делился. Это так, к слову. Следом за колбасником Владимира стали нанимать другие торговцы. У него образовалась своя клиентура, дела шли хорошо. Местным бухгалтерам это не понравилось, и они накатали на него донос. У Владимира масса достоинств, но диплома Политехнической школы у него не было, и чужих мнений он в расчет не принимал, полагая, что всегда и во всем прав. Одним словом — не дипломат, сам понимаешь. Делу дали ход, появились дознаватели, Владимир вышел из себя и, вместо того чтобы прикинуться пнем, повел себя заносчиво: «Я не боялся КГБ, я выжил в Сталинграде, так что вас и подавно не испугаю. Я работаю, плачу налоги и чихать на вас хотел!» Он закусил удила, никого не слушал, хотя многие его предупреждали. Не поверишь, что случилось, — его посадили. За осуществление незаконной деятельности эксперта-бухгалтера. Он разнес следователя в пух и прах, за что провел четыре месяца в предварительном заключении. Немыслимо! Держать в кутузке че-

ловека, владеющего то ли шестью, то ли семью языками. Все рухнуло. Знаешь, кто помог? Кессель пообщался со следователем, а Сартр заплатил штраф.

— И чем он теперь занят?

— Работает у того, кто на него наступал, вернул всех клиентов, но диплома ему не видать как своих ушей.

— Саша несколько раз об этом упоминал, но я не догадывался, что они вам помогали.

— Я думал, вы с Игорем друзья, но не знал, что ты был близок с Сашей. Никто его не любил... Он...

Павел поймал мой взгляд и оборвал фразу. Мы сидели в шумном зале и молчали, не зная, что делать с призраками прошлого.

— Я дружил с обоими.

— Да ну? Верится с трудом. Невозможно было иметь в друзьях и того и другого.

— А мне вот удалось. Саша однажды рассказал, что Кессель покрыл его долг за комнату, когда он в очередной раз просрочил дату платежа, но денег просить он у него не осмеливался.

— Кессель был великодушен. Выручал нас до самой своей смерти в прошлом году. Видишь, я тоже веду себя как мелкотравчатый мерзавец. Не стоит ничего ждать от людей. Делаешь кому-нибудь добро, а тебе плюют в рожу. Я не могу забыть того, что Сартр сказал, что дал понять, и, главное, того, о чем он умолчал, — это сильнее меня. Сартр был негодяем, салонным революционером, но щедрости и великодушия ему было не занимать. Впрочем, не все можно компенсировать деньгами.

— Выходит, я все эти годы ни черта не замечал. По молодости. Мне казалось, он тебя ценил.

— Я рассказывал ему анекдоты и байки. Смешил. У него была прекрасная память, но анекдотов он не запоминал и вечно просил повторить.

— Я помню Леонида и его любимую историю про Сталина и солнце.

— Давай, расскажи, будет здорово послушать еще раз.

— Сейчас, дай вспомнить. Ага. Прекрасное утро, Сталин просыпается, встает, обращается к солнцу: «Скажи мне, Солнце, кто самый красивый, умный и сильный человек на свете?» Солнце отвечает без задержки: «Ты, о Сталин, свет человечества!» В полдень Сталин снова спрашивает: «Скажи мне, Солнце, кто самый блистательный, гениальный и выдающийся деятель всех времен и народов?» И солнце подтверждает: «Ты, о несравненный Сталин». Перед ужином Сталин не может отказать себе в удовольствии спросить у солнца, кто лучший коммунист в мире. А солнце возьми да и ответь: «Ты больной, Сталин, психопат, безумец, я уже на Западе и в гробу тебя видало!»

Павел расхохотался, как будто услышал анекдот впервые в жизни.

— Рассказчик из тебя никакой. Французам это не дано. В исполнении Леонида «номер» длился целый час.

— Что да, то да. Леонид был мастер. Думаешь, он и правда рассказывал эту байку Сталину?

— Уверял, что да. Леонид не хвастун. Если я правильно помню, ты с ним дружил?

— Очень близко. Хотелось бы снова его увидеть.

— Леонид ненавидел Сашу.

— Все это «дела давно минувших дней», они мало кого интересуют.

Он ничего не ответил, только плечами пожал и взял очередную круассан:

— Угощаешь?

— Скажи-ка мне вот что: твою книгу о Брестском мире в конце концов издали?

— Да бог с тобой! Я сделал новый перевод, изменил текст, сократил объем. Сам знаешь — нет предела совершенству... Она понравилась одному молодому издателю, но он потребовал, чтобы я снял еще двести пятьдесят страниц — из девяносто шестидесяти пяти. У нас не сложилось.

— Павел, расскажи еще какой-нибудь анекдот.

— Знаешь, какая разница между рублем и долларом?

Я уже слышал эту дурацкую шутку — возможно, от него же, лет пятнадцать назад, но ответа не вспомнил.

— Один доллар! — Он довольно расхохотался. — Мишель, что произошло? Почему ты вдруг исчез?

— После смерти Саши я продолжал видеться с Игорем и Вернером. Ты общаешься с остальными?

— Со всеми, кроме тебя.

Октябрь 1959-го — декабрь 1960-го

1

Это был единственный раз, когда обе мои семьи собрались вместе. Скажем так — некоторые члены двух семей, человек двадцать. В день рождения у меня появилось дурное предчувствие. Я ощутил неведомую угрозу, природу которой определить не мог. Позже я расшифровал некоторые ее признаки, которых не распознал в предвкушении праздника и подарков. У каждого из моих товарищей была семья, но одна, я же имел две, причем совершенно разные, не общавшиеся между собой. Марини и Делоне. Семья отца и семья матери. В тот день я понял, что они терпеть друг друга не могут. Только мой отец сохранял веселость, угощая родственников фруктовым соком.

— Стаканчик апельсинового? — произносил он голосом Габена или Жуве. — Смелее, он свежесжатый.

Марини умирали со смеху. Делоне закатывали глаза.

— Прекрати, Поль, это не смешно! — сказала моя мать, ненавидевшая папины «выступления».

Она была занята разговором со своим братом Морисом, который после войны поселился в Алжире. Отец его не жаловал, а я любил. Дядя был весельчак и балагур, он звал меня Каллаханом — не знаю почему. При встрече он всегда говорил: «*How do you do Callaghan?*»¹ — на что я должен был отвечать: «*Very good!*»² Прощаясь, он бросал: «*Buy-buy Callaghan!*»³ — и изображал хук справа в подбородок. Морис бывал в Па-

¹ Как поживаете, Каллахан? (англ.)

² Очень хорошо! (англ.)

³ Пока, Каллахан! (англ.)

риже раз в год — приезжал на американский семинар по менеджменту, считая делом чести первым входить в курс новых веяний и использовать их на практике. Его речь изобиловала американизмами: мало кто понимал, что именно они означают, хотя никто, конечно, ни за что бы в этом не признался. Морис был в восторге от очередного семинара «Как стать победителем?», он вдохновенно излагал моей матери вновь открытые истины, а она благоговейно внимала каждому его слову. Папа, считавший все это наглым надувательством, не упустил случая съязвить.

— Нужно было меня предупредить — глядишь, и послали бы туда на стажировку наших армейских генералов, — произнес он голосом де Голля.

Отец расхохотался, Марини подхватили, обстановка еще больше накалилась, но Морис как ни в чем не бывало продолжал разглагольствовать, уговаривая мою мать записаться на курс лекций. Уйдя на покой, мой дед Филипп передал бразды правления дочери, которая десять лет работала с ним бок о бок. Он хотел, чтобы она «росла над собой» и, по совету Мориса, прошла интенсивный курс обучения по американской программе «Стать современным менеджером». Мама уехала на две недели в Брюссель, а вернувшись, привезла несколько толстенных пособий, которые теперь стояли на видном месте в книжном шкафу. Мама очень ими гордилась и воспринимала как символ и доказательство своей компетентности. Названия фолиантов говорили сами за себя: «Завоевать сложных клиентов», «Создать сеть эффективных связей», «Развить свой потенциал, чтобы быть убедительным». Каждый год мама три дня занималась в семинаре, проходившем в роскошном центре на авеню Ош, после чего очередной том в красном кожаном переплете занимал свое место на полке. В прошлом году они с Морисом слушали лекции по теме «Как завоевывать друзей?», после чего мама очень изменилась: постоянная улыбка на устах была призвана стать ключом к успеху не только в настоящем, но и в будущем. Плавные движения сви-

детельствовали о внутреннем спокойствии, хорошо поставленный тихий голос — о силе ее личности, что, по мнению Дейла Карнеги, могло в корне изменить жизнь. Мой отец в это не верил, считал пустой тратой времени и денег.

— Битюга в скаковую лошадь превратить невозможно, — с улыбочкой произнес он, глядя на Мориса.

Неделей раньше я попросил маму пригласить к нам Марини.

— Обычно мы их не зовем и празднуем дни рождения в семейном кругу.

Я продолжал настаивать, и новообетенная благодаря премудростям Карнеги улыбка покинула мамино лицо. Я не сдаюсь, больше того — заявил, что без них никакого праздника не будет. Мама посмотрела на меня — вид у нее был огорченно-сожалеющий, — но решения не изменила, и я покорился. Когда отец с заговорщической ухмылкой сообщил мне, что Марини все-таки получили приглашение, я чуть не спятил от радости, уверенный, что благодаря мне примирение состоится. Хотя радоваться, как оказалось, было нечему. Ничего хорошего из этой затеи не вышло. Единственными чужаками в этом «собрании» были мой друг Николя Мейер, изнывавший от скуки в ожидании десерта, наша испанская служанка Мария — она обносила гостей оранжадом и горячим вином — и мой тигрово-рыжий кот Нерон, который повсюду следовал за мной, как собачка. Я очень долго свято верил, что иметь две семьи — благо, и наслаждался этим. Те, у кого семьи нет вовсе, назовут меня избалованным сопляком, не понимающим, как ему повезло, но, поверьте, иметь две семьи — хуже, чем не иметь ни одной.

Марини сгруппировались вокруг дедушки Энцо. Они ждали. Мой брат Франк выбрал свой лагерь. Он о чем-то тихо беседовал с дядей Батистом и бабушкой Жанной. Появился папа с огромным шоколадным тортом, затынул «С днем рождения, Мишель!» — и Марини подхватили. Они всегда пели,

когда собирались вместе. У каждого был свой излюбленный репертуар, и они обожали петь хором. Мама нежно мне улыбалась, но не пела с остальными. Я задул двенадцать свечей в два приема. Филипп, мой дедушка по маме, заплодировал. Он не пел — как и Морис, и остальные Делоне. Они аплодировали, а Марини пели: «Веселого дня рождения, Мишель, поздравляем тебя»... Чем вдохновенней пели Марини, тем громче аплодировали Делоне. Моя младшая сестра Жюльетта аплодировала, Франк пел. И Николая тоже пел. Тут-то у меня и появилось неприятное чувство. Я смотрел на них — и не понимал, мне было тягостно и неловко, а они пели все громче. Думаю, моя боязнь — на грани фобии — семейных сборищ родилась именно в тот день.

Я получил три подарка. От Делоне — двухскоростной проигрыватель «Теппаз» — на 33 и 45 оборотов. Вещь была дорогая, и Филипп не преминул напомнить, что рычаг звукоснимателя очень хрупкий, поэтому так важно точно следовать инструкции по эксплуатации.

— Твоя мать хочет, чтобы ты перестал все время препираться с братом.

Энцо Марини преподнес мне толстую книгу «Сокровища Лувра». Он вышел на пенсию, и они с бабушкой Жанной раз в месяц приезжали в Париж по его льготному билету. Она встречалась с Батистом, старшим братом моего отца, — он один воспитывал двоих детей после гибели жены в автокатастрофе. Батист водил автомотрису на линии Париж—Мо. Когда-то он был разговорчивым и эмоциональным человеком, но после несчастья очень изменился. Говоря о нем, мои родители всегда многозначительно переглядывались. Если я задавал вопросы о дяде, они никогда не отвечали, что смущало и тяготило меня куда сильнее, чем дядина замкнутость.

Энцо водил меня в Лувр. Ни в его родном Лансе, ни в Лилле не было особых достопримечательностей, так что происхождение его обширных знаний оставалось для меня загадкой. У Энцо был только школьный аттестат, но он разбирался

в картинах и художниках, а больше всего любил итальянское Возрождение. Мы часами, до самого закрытия, бродили по бесконечным коридорам, и Энцо общался со мной как с другом. Я обожал проводить время с дедом и часто расспрашивал его о молодости, хотя знал, что он не любит об этом говорить. Отец Энцо был уроженцем Фонтанеллато, деревушки в окрестностях Пармы. Нищета вынудила его покинуть родные места вместе с двумя младшими братьями, оставив семейную ферму старшему. Он оказался на севере и пошел работать на шахту. Его первенец Энцо родился во Франции. Прадед делал все, чтобы стать французом, и запрещал говорить дома на итальянском. Он порвал все связи с родиной и перестал общаться с родственниками. Энцо женился на уроженке Пикардии. Он считал себя французом и гордился этим. Если какой-нибудь болван обзывал его итальяшкой или макаронником, он улыбался и отвечал: «Очень рад, а я — лейтенант Винченцо Марини из Ланса, что в Па-де-Кале».

Дед рассказывал, что ему не раз приходилось завоевывать уважение кулаками. Он считал Италию за границей, никогда там не бывал и в тот день очень удивил нас, объявив, что начал брать уроки итальянского.

Лувр наделен небывалыми образовательными достоинствами. Энцо научил меня распознавать художников, различать стили и эпохи. Он делал вид, будто верит, что статуи обнаженных женщин работы Кановы¹ и Бартолини² привлекают меня исключительно совершенством линий. Папа ничего не сказал, когда Филипп подарил мне проигрыватель, но пришел в восторг от книги. Он долго и чуточку нарочито восхищался качеством репродукций, восклицая: «Ух ты!» и «Надо же!» Дольше всего он рассматривал «Иоанна Крестите-

¹ *Антонио Канова* (1757–1822) — итальянский скульптор-неоклассик.

² *Лоренцо Бартолини* (1777–1850) — итальянский скульптор, представитель холодного, чопорного и — в женских фигурах — приторно-сентиментального стиля империи; он, подобно Канове, отличался условностью и аффектацией, но не обладал другими достоинствами Кановы.

ля» да Винчи: кудлатая голова, поднятый палец и загадочная улыбка Иоанна привели отца в недоумение.

— Он совсем не похож на святого...

— Почему ты никогда не ходишь с нами в Лувр? — спросил Энцо.

— Ну, у меня с музеями не очень складывается...

Папа всегда был любителем эффектных концовок. Он торжественно водрузил на стол сверток в глянцевогой бумаге, перевязанный красной лентой, и предложил мне угадать, что находится внутри. Нет, это не книга, такая идея папе в голову прийти не могла. Игрушка?

— Ты уже не ребенок, какие могут быть игрушки!

Не книга, не игрушка, не игра. Теперь гадали все, только мама молчала и снисходительно улыбалась. Не разборный грузовик, не самолет, не корабль, не поезд, не модель машины, не микроскоп, не часы, не бинокль, не галстук, не одеколон, не набор оловянных солдатиков и не перьевая ручка. Съесть и выпить нельзя, не хомяк и не кролик.

— Как ты мог подумать, что я запихну живую зверюшку в коробку?.. Нет, это не чучело.

Идеи закончились, и я замер, испугавшись, что останусь без подарка.

— Помочь открыть? — предложил папа.

Я торопливо развернул бумагу и пришел в восторг, обнаружив прозрачный пластиковый футляр. «Брауни Кодак»!¹ Такого я от отца не ожидал, хотя две недели назад — мы шли по улице Суффло — застрял перед витриной фотомагазина и долго объяснял ему преимущества новой модели. Папа тогда удивился моей осведомленности, не поняв, что я просто выпендриваюсь. Я бросился ему на шею и стал целовать, бормоча слова благодарности.

— Маме тоже скажи спасибо, в магазин ходила она.

Меня охватило возбужденное нетерпение, я мгновенно зарядил пленку и рассадил родственников напротив окна, под-

¹ «Брауни Кодак» (Kodak Brownie) — фотокамера, один из наиболее известных продуктов Kodak.

ражая фотографию, делавшему в лицее ежегодный снимок класса.

— Улыбайся, дедуля! Дядюшка Морис, встань за мамой, и улыбайтесь, черт возьми, улыбайтесь!

После вспышки я перевел кадр и щелкнул еще раз, чтобы подстраховаться. Не каждому дано осознать свое призвание, но я в тот вечер твердо решил стать фотографом, эта профессия казалась мне престижной и одновременно достижимой. Папа меня поддержал:

— Все верно, мальш, фотографом быть интересно, да и денежно.

Получив родительское благословение, я воспарил в мечтах, но Франк, как обычно, остудил мой пыл:

— Хочешь стать фотографом, приналяг на математику.

С чего он это взял — неизвестно, но обсуждение приобрело опасный оборот: одни утверждали, что фотография — искусство и математика тут вовсе ни при чем, другие напоминали о необходимости разбираться в перспективе, оптике, составе эмульсий и в других технических тонкостях. Каждый был уверен в своей правоте, что привело меня в растерянность. Все выдвигали аргументы, никто никого не слушал, а я тосковал, поскольку плюрализм мнений был мне внове. Я решил, что Франк просто завидует, ему таких потрясающих подарков в детстве не делали. Фотография не наука, в ней силен фактор случайности. Историческая фотография собравшейся вместе семьи — единственная в своем роде — три года простояла на буфете, на самом видном месте, а потом исчезла по причинам, никак не связанным с ее художественными достоинствами.

Я долго пребывал в полном неведении относительно истории моей семьи. Все в моем мире казалось мне идеальным — или почти идеальным. Взрослые не посвящают детей в свои тайны. Сначала те слишком малы и многого не могут понять; когда они подрастают, им становится не до того, а потом бывает поздно. Такова семейная жизнь. Люди живут бок о бок,

считают, что знают друг друга, но в действительности никто и понятия не имеет о своих близких. Мы надеемся на чудеса кровного родства: невероятные совпадения, безоговорочную откровенность, внутреннюю схожесть. Человек склонен довольствоваться спасительным самообманом о непреложности родства по крови. Скорее всего, я сам виноват — слишком много ждал... Просветил меня Франк, и случилось это в день торжественного открытия обновленного магазина, после событий, потрясших нашу семью.

У нас с Франком семь лет разницы. Он родился в 1940-м, и его история — это история нашей семьи со всеми ее случайностями и вывертами. Без Франка не было бы и меня. Наша судьба решилась в первые месяцы войны. В то время Филипп руководил собственной мастерской по выполнению сантехнических и оцинковочных работ, а еще торговал сантехническим оборудованием и кухонными плитами, хотя ни разу в жизни не держал в руках ни одного крана или ацетиленовой горелки. Дело Филипп унаследовал от отца и вел его весьма успешно, хотя не упускал случая посетовать на своих работников. Неприятности Филиппа начались 3 февраля 1936 года, когда он нанял в подмастерья Поля Марини. Отцу исполнилось семнадцать, и он не имел ни малейшего желания продолжать семейную традицию и становиться железнодорожником. Жить отец хотел только в Париже, а папашу Делоне впечатлил, сделав идеальный сварной шов за рекордно короткое время. Следующие три года Филипп не мог нахвалиться на своего помощника, очаровавшего всех вокруг улыбкой, любезным обхождением, услужливостью и сноровкой. Сам того не ведая, Филипп пустил волка в овчарню. Его дочь Элен без памяти влюбилась в кудрявого красавца с бархатными глазами и ямочкой на подбородке, который неумоимо вальсировал и ужасно ее смешил, пародируя Мориса Шевалье¹ и Рэмю².

¹ *Морис Шевалье* (1888–1972) — всемирно известный французский шансонье и киноактер.

² *Жюль Мирер Рэмю* (1883–1946) — французский актер театра и кино.

Содержание

Апрель 1980-го	9
Октябрь 1959-го — декабрь 1960-го	20
Январь—декабрь 1961-го	184
Январь—декабрь 1962-го	259
Январь—сентябрь 1963-го	371
Сентябрь 1963-го — июнь 1964-го	451
Ленинград, 1952-й	571
Париж, июль 1964-го	595